

Глава 8

Шэнь Яню и прежде доводилось бывать на рынках антиквариата вроде Паньцзяюаня или у Храма Конфуция. Однако рынок священных артефактов этого мира он посетил впервые и теперь сторал от любопытства.

Протиснувшись сквозь толпу, он увидел владельца лотка, который во всё горло расхваливал свой товар, клянясь, что эти реликвии извлечены из самых потаённых уголков древних руин. Стоило Шэнь Яню бросить беглый взгляд на прилавок, как он едва не прыснул со смеху.

Выставленные на продажу «священные артефакты» были густо облеплены свежей грязью. Было очевидно, что её нанесли совсем недавно, и к настоящим руинам эти вещи не имели ни малейшего отношения. Подделка была выполнена из рук вон плохо.

Интерес вызывало лишь то, что среди наваленного хлама встречалось немало диковинных вещиц, предназначение которых Шэнь Янь не мог даже угадать.

В гомоне толпы раздался чей-то ироничный голос:

— Что, ваш отряд снова наткнулся на нетронутые руины?

Шэнь Янь, забавляясь, принялся перебирать безделушки, просто чтобы поддержать компанию. Внезапно его взгляд замер, приковавшись к одному невзрачному агатовому браслету.

Вещица выглядела очень старой, её поверхность потемнела настолько, что первоначальный цвет камня почти не угадывался. Шэнь Янь сразу понял: это результат долгого пребывания агата под землей, когда оксиды железа и марганца в течение веков медленно проникали в структуру камня, создавая естественное окрашивание — патину.

В былые времена мастера подделок часто использовали один хитрый прием: вымачивали нефрит или агат в крови животных год-другой, добиваясь похожего эффекта. Но такую имитацию легко было распознать: стоило прокипятить вещь в воде, как фальшивая патина бледнела. Настоящее же минеральное окрашивание, слившееся с камнем за бесконечные столетия, ничем нельзя было вывести.

Шэнь Янь осторожно взял браслет в руки. Там, где пальцы коснулись гладкой поверхности, он ощутил едва различимый оттиск трех древних иероглифов: «Мастерская Ляньюй».

Это место не было каким-то великим или прославленным. Мастерская Ляньюй — крошечное заведение, возникшее на берегах Циньхуай в эпоху ранней Тан и исчезнувшее так же быстро, как цветок кактуса.

Ляньюй работала для обитательниц «веселых кварталов». Лишь благодаря специфической

культуре тех мест мастерская оставила скромный след в истории, и несколько её изделий сохранились до наших дней. Эти украшения нельзя было назвать изысканными или редкими, как дворцовые дары, но они обладали огромной культурной и археологической ценностью.

Шэнь Янь продолжал поглаживать браслет, чувствуя, что уже не хочет выпускать его из рук. Эта работа, эта впитавшаяся в камень история... Юноша был очарован.

Чжао Ко ждал его в стороне. Он не боялся, что Шэнь Яня обманут, ведь тот был гол как сокол — у него не было денег даже на лепешку, не говоря уже об артефактах. Однако, увидев, как юноша выбирается из толпы, бережно прижимая к груди грязный браслет с сияющими глазами и заискивающей улыбкой, командир почувствовал неладное.

У Чжао Ко екнуло сердце. Предчувствие было скверным.

Следом за Шэнь Янем шел владелец латка и пара хмурых наемников. Заметив Чжао Ко, торговец на миг замялся: неужели этот простак из отряда «Тигров и Леопардов»? С чего бы такому серьезному бойцу становиться их жертвой?

Шэнь Янь подошел к командиру, едва сдерживая возбуждение. Найти настоящую древность среди этого хлама было чудом. Но не успел он и слова вымолвить, как Чжао Ко отрезал:

— Денег нет.

«И чему он так радуется? — ворчал про себя командир. — Мне еще полсотни ртов кормить надо».

Шэнь Янь понимал ситуацию в отряде. Каждая монета была на счету ради закупки зерна, и тратить их на безделушки было безумием. Но у него был другой план.

— У тебя же есть несколько «художественных изделий», — шепнул он, многозначительно глядя на командира.

«Не собираешься же ты хранить их как семейные реликвии?» — читалось в его взгляде. Рынок артефактов жил по своим правилам: здесь всё решали опыт и глаз. Удачная находка среди мусора считалась законной добычей. Если бы Шэнь Янь не заметил этот янтарный браслет, он бы так и пропал где-нибудь, выброшенный как дешевая подделка, за которую и куска хлеба не дадут.

Чжао Ко возмутился: надо же, этот малый покусился на его «сокровища»!

— Ты не смотри, что он такой невзрачный, — продолжал убеждать Шэнь Янь. — Это подлинная историческая вещь.

Чжао Ко с сомнением покосился на браслет, а затем спросил:

— Сколько они просят?

Шэнь Янь назвал сумму. Командир поморщился, взглянув на торговца: тот явно решил обобрать парня до нитки. Торговец смущенно кашлянул. Цену на артефакт, подлинность которого нельзя доказать, назначали «по клиенту». Можно было просить гору золота, а можно было не дать и гроша.

Чжао Ко долго молчал, о чем-то раздумывая.

— Ты уверен, что у него есть своя история? — наконец спросил он.

Ему давно хотелось проверить одну догадку, и этот браслет казался идеальным шансом. Шэнь Янь уверенно кивнул:

— Позже я расскажу тебе о певичках с реки Циньхуай...

Юноша и сам не ожидал, что Чжао Ко согласится так легко. Он уже приготовился пустить в ход всё своё красноречие.

Взвалив на плечи закупленное зерно и травы, они двинулись в обратный путь. Добравшись до грузовика, Чжао Ко с видом человека, отрывающего кусок плоти, достал одну из своих шкатулок.

Торговец опешил. Обмен был делом привычным, но почему командир готов отдать ценную вещь за этот тусклый ободок? Он так и впился глазами в шкатулку, словно хорека.

Чжао Ко, с трудом сдерживая дрожь в руках, произнес:

— В этой шкатулке находится... Великое нефритовое море Душань, одно из девяти национальных сокровищ.

Шэнь Янь, вертевший в руках браслет, едва не поперхнулся.

«Надо же, — подумал он, — а ведь этот грубиян тоже мастер заговаривать зубы».

Чжао Ко действительно было жаль расставаться со своей прелестью. Он едва заставил себя выпустить шкатулку из рук. Когда обмен завершился, он посмотрел на Шэнь Яня крайне недобрый взглядом. Командир осознал: этот его новый слуга... нет, подсобный рабочий, оказался страсть каким расточительным. Сердце у Чжао Ко обливалось кровью.

Шэнь Янь тоже это заметил. Помимо грубости и странных фантазий, Чжао Ко обладал чертами настоящего Плюшкина.

«Да чего он так убивается? — усмехнулся юноша. — Мы же в огромном выигрыше».

Сделка была совершена, и пути назад не было. Шэнь Янь поспешил в кузов. Был уже вечер, рынок закрывался. Зерно и продукты загрузили в машину.

Привалившись к окну, Шэнь Янь прикрыл глаза, ожидая, когда взрвет мотор. Жара и долгая прогулка вымотали его. Незаметно для себя он погрузился в тяжелую дрему.

В туманном забытии перед его внутренним взором раскинулись берега Циньхуай. Бесчисленные расписные джонки скользили по воде, огни отражались в реке — настоящий город, который никогда не спит. Роскошь и блеск ослепляли, но за этой ширмой вечного праздника мало кто замечал холодные тела тех, кому не нашлось места в этой жизни.

В одной бедной семье нужда стала невыносимой, и дочь продали на одну из плавучих джонок. Совсем крошка, она навсегда перестала принадлежать себе. Среди других певичек она с малых лет училась играть на пипе — струна за струной, постигая искусство ублажать слух господ ради куска хлеба.

«В тринадцать лет она уже мастерски владела пипой, и имя её первым стояло в списках школы искусств...»

Девушку звали Ли Саньнян. Она думала, что так и пройдет её жизнь, но в пору первой юности встретила ученого книжника в белоснежных одеждах.

Были клятвы в вечной любви под луной, обещания нерушимого союза... В залог верности он подарил ей янтарный браслет. Но когда ученый вернулся много лет спустя, Ли Саньнян уже познала все тяготы мира. Красота увяла, лицо тронули морщинки прожитых невзгод. Книжник же к тому времени взял в жены девицу из знатного дома и больше ни разу не переступил порог джонки.

Ли Саньнян, прижимая к груди пипу и сжимая в руке браслет, бросилась в холодные воды реки, закончив свою жизнь в глубокой печали. Её судьба стала лишь одним из множества отражений несбывшихся надежд на берегах Циньхуай.

В своем сне Шэнь Янь словно стоял на носу лодки и смотрел сквозь толщу воды на женщину, покоящуюся на дне.

Внезапный толчок грузовика вырвал его из забытия. Машина затормозила у их склада. Тётушка Дун уже начала раздавать всем пшеничные лепешки.

Шэнь Янь, повинувшись инстинкту, жалобно посмотрел на Чжао Ко. Тот нахмурился:

— Это еще что? Глаза болят?

— Мне кажется, — начал Шэнь Янь, и мышцы на его лице едва заметно дрогнули, — сегодня нам стоит снова попробовать лапшу. Вчера вы едва успели распробовать.

Чжао Ко лишь хмыкнул. У этого парня в голове было сотни две хитроумных планов: сам хочет лапши, а оправдания находит одно складнее другого. Впрочем, раз они решили её продавать, отряду действительно стоило получше изучить свой товар, понять расход продуктов и определиться с ценой. Муки сегодня закупили вдоволь, да и старые запасы еще были.

Командир кивнул.

Приготовить лапшу на полсотни человек в одиночку Шэнь Янь бы не смог, так что тётушка Дун и еще несколько женщин пришли на помощь. У них была недюжинная сила: куски теста с гулким хлопанием ударялись о доски. Только так можно было добиться нужной упругости.

— Добавьте еще немного воды, консистенция должна быть такой, — наставлял их Шэнь Янь.

В этот вечер он готовил лапшу «Янчунь». Белоснежные нити лапши в чаше украшала ярко-зеленая зелень. Капелька свиного жира, расплываясь по поверхности бульона, делала блюдо удивительно нарядным. Шэнь Янь лично следил, чтобы листики зелени лежали ровно.

Выглядело это действительно аппетитно. Пока люди ели, Чжао Ко обсуждал с ними детали будущей торговли. Держа в руках чаши и прихлебывая горячий бульон, наемники начали понимать: это дело может выгореть. Лапша была невероятно вкусной, а продуктов требовала не больше, чем лепешка. Она определенно могла потеснить старый сухомят на рынке.

Время ужина всегда было самым веселым. Вокруг стоял гул голосов. Малыш Хуанцзай уже побежал за второй порцией бульона. В нем чувствовался вкус настоящей еды. Шэнь Янь заметил, что здесь люди не привыкли просто пить воду, а в такую жару чашка ароматного отвара приносила невероятное облегчение.

Хуанцзай шел, забавно поглаживая надутый живот, в котором что-то отчетливо побулькивало. На лице ребенка сияла печать абсолютного довольства.

Шэнь Яню нравилась эта атмосфера: сидеть на корточках с огромной чашей в руках, чувствуя себя совершенно свободным.

«Если бы жизнь стала хоть чуточку лучше... — подумал он. — По крайней мере, те лепешки, которые при падении на землю подпрыгивают, я больше в рот не возьму».

Пока остальные спорили о торговле, Шэнь Янь при свете луны достал браслет и принялся вертеть его в пальцах. Был ли тот сон в грузовике историей хозяйки этого украшения?

Юноша негромко пробормотал:

— Эх, Ли Саньнян с берегов Циньхуай... Твоя пипа замолкла навсегда. Поистине горькая доля выпала тебе, несчастная женщина.

Стоило ему замолкнуть, как его тень на полу склада дрогнула и пошла рябью, словно поверхность воды.

<http://bllate.org/book/13411/1301678>